

Александр Иванович Куприн

Тихий ужас

Александр Куприн

Тихий ужас

«Public Domain»

1920

Куприн А. И.

Тихий ужас / А. И. Куприн — «Public Domain», 1920

«Нам рассказывали много страшных вещей о жизни в Совдепии. Все они имели тот смысл, который хорошо определяется выражением: «Жизнь часто бывает неправдоподобнее вымысла»...»

Содержание

I	5
II	6
III	8
IV	9

Куприн Александр

Тихий ужас

I

Нам рассказывали много страшных вещей о жизни в Совдепии. Все они имели тот смысл, который хорошо определяется выражением: «Жизнь часто бывает неправдоподобнее вымысла».

Сначала мы ужасались, ахали, заламывали руки и закатывали глаза. Но время и проклятая человеческая способность привыкать ко всему притупили наши нервы, угасили наше воображение.

Мимо бесконечной цепи чудовищных фактов, из которых в прежнее время самый незначительный заставил бы нас закричать от боли, страха и отвращения, мы проходим с усталым старческим равнодушием, с ленивым безразличием: «Да неужели?»

Антанта давно завязала глаза своей совести и заткнула уши своим культурно-христианским чувствам. Комфортабельная Англия – та просто-напросто, щадя свои нервы, решила: «Все эти русские беженцы и русские газеты врут. В Совдепии живется вовсе уж недурно, а принимая во внимание общую низменность славянской расы, и совсем хорошо. Спросите об этом наших газетных корреспондентов. Они все знают».

Оттого-то у нас, русских зарубежных журналистов, пропадает и даже совсем пропало желание иллюстрировать советскую действительность живыми, непосредственными описаниями со слов даже самых правдивых рассказчиков, самых достоверных свидетелей, самых холодных, тонких, беспристрастных наблюдателей.

Жизнь неправдоподобнее фантазии!

Удивило ли нас, когда мы узнали о потреблении в пищу человеческого мяса? Не поверить этому мы не могли: в сухом газетном отчете, набранном мелким шрифтом, так и стояло: китайцы Ц. и У. и красноармейцы 2 и У приговорены к расстрелу за спекуляцию(!) человеческим мясом.

Да, мы немного удивились... Но когда нам привели, в подтверждение этой гнусности, третий, четвертый и пятый случай, мы сказали, зевнув:

– Старо...

II

Да. Жизнь бывает в своих искажениях неправдоподобнее, чудовищнее вымысла.

Вот и сейчас в нашем распоряжении есть много потрясающего материала из совдепского бытия. Но стоит ли приводить его в печати? Чем доказать действительность этих кошмарных рассказов? Внутренним убеждением в их голой, кричащей правде? Чувством личного доверия к наблюдательности совести очевидца? Или тем, что реальность фактов, почти невероятных, подтверждается через сводку и терпеливую критику самых разносторонних вариантов на одну и ту же тему?

«Дайте живое, осязательное доказательство!»

Какое? Документ? – Его подлинность так легко опорочить. Фотография? – Но современная фотографическая техника творит чудеса. Имена? – Спасите, силы небесные, братьев, сестер, дряхлых родителей, жену, детей и племянников смелого разоблачителя, выступившего с открытым забралом. Невеселые минуты проведут они в уединенном разговоре с Петерсом, Дзержинским или с московским «комиссаром смерти» Ивановым.

Уже около двух месяцев нам ведомо о тех оргиях, которые происходили в чрезвычайках во время последнего красного натиска на юг России. Сведения идут из трех разных мест: Воронежа, Гомеля, Киева. Они незначительно расходятся в подробностях, но взаимно дополняют друг друга и утверждают достоверность одного из самых ужасных явлений, какие только знала кровавая история человечества.

Никого, конечно, не поразил бы рассказ о том, что чрезвычайки после дневных трудов по допросу, пыткам и расстрелу предавались заслуженному отдыху в виде пьянства, картежа и распутства. Но как не остолбенеть на минуту, услышав, что на этих пирушках обходила хозяев и гостей круговая чаша, наполненная спиртом пополам со свежей, еще не сгустившейся, еще не почерневшей человеческой кровью. Она так и называлась: «кубок красных коммунистов». Иногда для этой цели служили священные сосуды, похищенные из церквей, – тогда это буквально «кровопийство», это тягчайшее из кощунств сопровождалось непристойной и глумливой пародией на таинство евхаристии.

Чаще всего при этом возмутительном обряде, в виде припева, произносились слова: «Прежде они пили нашу кровь – теперь мы».

Кто мне скажет, что этого не было? Конечно, уместно было бы приспособить при этом дьявольском шабаше кодак, или кинематограф, или хоть граммофон. Но ведь все равно расчетливые скептики могли бы сказать: «Э! Инсценировка!» Но кто посмеет отвергнуть свидетельство истории?

Разве вожди гуннов, готов и скифов, справляя победные торжества, не пили кровь своих врагов из черепов, оправленных медью, серебром и золотом?

Разве в ближайшую к нам эпоху, во время Великой французской революции – точнее, в день взятия Бастилии, – опьяневшие (не телом, но душою) фанатики не вырывали трепещущих, мокрых сердец из грудей аристократов и не пожирали их в безобразной свалке?

И кто отважится пойти против точных утверждений науки?

Разве не признаны и не установлены ею причудливые явления атавизма, хотя причина их и окружена тайной? Разве мы не читали клинические записки Крафта-Эбинга «*Psychopathia s'exualis*», показывающие с жестокой, формальной правдой пределы падения человеческой души? И разве мы осмелимся хоть на минуту усомниться в том, что красные комиссары, коммунисты и чрезвычайки охвачены повальным, эпидемическим безумием?

Можно ли после этого сомневаться и в реальности «кубка коммунистов»?

Тому, кто нам лицемерно скажет: «Этого не могло быть», мы твердо ответим:

Этого не могло не быть.

Это можно, это нужно было предвидеть еще в 1917 году, когда впервые обозначился, пока еще в неясных очертаниях, образ грядущего русского бунта – бессмысленного и беспощадного, когда впервые раздался из мохнатых звериных пастей вопль: «Попили нашей кровушки!» Еще тогда, исходя из законов массовой психики, надо было с уверенностью сказать:

– Без сомнения, мы накануне всамделишного, ритуального кровопийства...

Да наконец: разве две строчки, всего лишь семь слов евангельского текста не породили омерзительную скопческую секту?

III

Последние беженцы из Москвы и Петрограда передают о новом кошмарном роде промышленности, распространяющемся в больших центрах Совдепии и вызванном, без сомнения, совокупностью таких мощных причин, как голод, болезни, всеобщая спекуляция и страх перед службой в рядах красной армии. В Петрограде, на Невском, открыто продаются коробочки с насекомыми, взятыми с тифозных больных. Тиф в настоящее время, если можно так выразиться, выветрился, формы заболевания стали более легкими, процент смертности значительно понизился (до двенадцати процентов), а между тем красноармейцам, по выздоровлении, полагается пятимесячный отпуск. А так как из популярных объяснений Троцкого и Ленина серо-красная масса отлично усвоила, каким исключительным путем передается тиф от одного человека к другому, то и не надо искать дальнейших объяснений...

О Петрограде нам рассказывала только что ушедшая оттуда сестра милосердия, с которой в лазарете общины были откровенны выздоравливающие солдаты. По ее словам, коробка с рассадником стоила триста-четыреста рублей думскими.

Вчера мы беседовали с видным московским адвокатом-криминалистом, выступавшим до последних дней в качестве правозащитника по обвинениям лубянской Чрезвычайки. О торговле насекомыми ему рассказал в Москве на Николаевской дороге один из железнодорожных служащих. Адвокат выразил сомнение. Тогда железнодорожник, улучив нужную минуту, повел его на платформу, и там адвокат сам, лично, смог присутствовать при торге. Была куплена красноармейцем в форме пара насекомых по тысяче рублей за штуку. Прежде заключения сделки покупатель потребовал доказательства в том, что приобретенная им движимость – действительно живая.

В Вятке и Вологде коробочки стоят всего лишь двадцать пять рублей...

* * *

Всей этой мерзости так же нельзя не верить, как и показаниям о людоедстве и оргиастическом питии крови.

И прежде была жестока и сурова русская солдатская служба. И прежде преследовались законом членовредители, которые, во избежание военной муштры, отстреливали и отрубали себе пальцы, вырывали десятки зубов, прокалывали барабанные перепонки и т. п. Советские декреты о наборе не знают ни исключений, ни снисхождений, ни послаблений. «Всякий, кто способен стоять на ногах, идет в красную армию». И точка.

Советские солдаты о процентах смертности, конечно, ничего не знают. Знают только о надежде получить отпуск. И наперебой опускают руки в лотерейную урну, где вероятность вынуть билет смерти почти так же велика, как при расстреле через десятого. Так огромен в них ужас перед хваленой красноармейской дисциплиной и перед властью коммунистических ячеек.

И когда, наряду с этой позорной торговлей, читаешь в советских газетах статьи, телеграммы и резолюции, в которых доблестные советские войска пламенно рвутся в бой, то невольно думаешь: в преисподней на раскаленных плитах катается дьявол и давится от хохота.

IV

Вот я перечислил такие кошмары советской действительности, перед которыми бледнеют сумасшедший дом, каторга, тифозный бред и сама преисподняя. Но – увы – я бил по привычному, давно не чувствительному месту, по равнодушию и предвзятым мнениям.

Раньше была циническая поговорка: «Каждый народ достоин своего правительства».

Теперь если не говорят, то думают иначе: «Русский народ достоин своей революции».

Но у меня в запасе остался последний ужас: тихий, медленный, облеченный в форму заботливого государственного распоряжения. Несмотря на свою внешнюю невинность, он стократно страшнее всяких пыток и расстрелов. Это декрет о замене для всего населения паспортов единообразными «трудовыми книжками». Вот как комментирует это нововведение советская пресса:

«...Мы должны заставить трудиться тех, кому не приходилось трудиться ранее, и тех, кто теперь отлынивает от труда, когда его нужно удесятерить, чтобы победить разруху.

Кроме того, мы должны строго распределить наши трудовые силы, чтобы проделать нашу работу возможно быстрее и организованнее. А для этого нам необходим строгий учет и неослабное пролетарское наблюдение, чтобы честно трудиться научились все. Для этого мы и даем каждому гражданину книжку, где наши предприятия и учреждения будут вписывать, каким производительным, полезным для общества трудом занят гражданин, что он делает, чтобы считаться достойным членом государства, а не трутнем.

Рабоче-крестьянское правительство интересуется только одно: трудится гражданин или лодырничает. И на этот вопрос дает всесторонний ответ эта трудовая книжка. Она поможет нам вплотную подойти к осуществлению величайшей нашей задачи: приучить всех к труду.

Когда труд станет свободным, естественным, трудовая книжка умрет, сделав свое славное дело, но до тех пор она поможет нам осуществить наш великий лозунг:

«Кто не трудится – тот не ест...»

Не нужно обладать ни особенно пылким воображением, ни исключительным даром пророчества, чтобы представить себе, сколько тягчайшего, непоправимого зла несет с собою эта обезличивающая всякую индивидуальность «трудовая книжка».

Все мы, со времен нашей золотой юности, помним проклятую пяти- и двенадцатибалльную систему отметок за учение, прилежание и поведение, вместе с наградами, похвальными листами, наказаниями, штрафным журналом, волчьим паспортом и исключением по третьему пункту без объяснения причин.

Помним, как калечились наши души, когда из цветов земли мы обращались в первых и последних учеников, тихонь, зубрил, выскочек, подлиз, фискалов, любимчиков и... даже в наивных провокаторов...

Помним, каким божеским наказанием, какой египетской работой была для нас наука и сколько хитростей, уловок, – скажем прямо – даже подлостей должен был изобретать свежий детский ум для получения спасительной тройки.

Помним мы и учителей: неумных, грязных, озлобленных неудачников, придирчивых, грубых, деспотичных... Я знаю многих людей светлого ума, большого опыта и испытанной храбрости, которые чистосердечно признаются, что и до сих пор, увидав во сне школьные экзамены, они просыпаются в холодном поту.

Система «трудовой книжки» бесконечно страшнее и губительнее. Вся нелепая педагогическая тирания дореволюционной школы должна охватить десятки миллионов населения. На какую низость и гадость не способен человек, падающий от голода? Какой неслыханный простор для злоупотребления предоставляется пролетариям-наблюдателям, облеченным сверхчеловеческой властью над слезою и животом любого рядового гражданина! Какое безбрежное

поле открывается для взаимного шпионажа, для доносов и интриг. Какое произойдет неслыханное нагромождение рабства, злости, мести, предательства, продажности чести, ума, слова и, конечно, тела!

Идет шигалевщина! Исполняются грозные слова Достоевского, сказанные им в «порыве великого гнева»:

Господи! Неужели и эта последняя кара не минует нашу грешную родину?